

Глава 1

Темные силы

Сегодня министр — завтра банкир; сегодня банкир —
завтра министр. <...> На войне наживается кучка
банкиров, которая держит в руках весь мир.

В. И. ЛЕНИН

В марте 1916 года британский офицер по имени Сэмюел Хор отправился в Россию. Меньше всего он думал о социализме и революции. Если бы кто-нибудь спросил Хора, зачем он едет, он бы, наверное, пробормотал что-то вроде того, что хочет послужить Англии. Когда началась война с Германией, Хор был среди первых, кто записался в Добровольческую кавалерию Норфолкского полка, но выяснилось, что по слабости здоровья он негоден для фронтовой службы. Вместо этого 36-летний Хор был завербован сэром Мэнсфилдом Смит-Каммингом, легендарным “К”, для работы на британскую разведку в Петрограде¹. Пока другие представители его класса сидели в окопах, Хор овладевал наукой шпионажа, перлюстрации и шифрования. По всей вероятности, ему приходилось также экспериментировать с изменением внешности. Новый начальник был на этом буквально помешан и заказывал свои конспиративные одеяния в театральной мастерской Уильяма Берри Кларксона на Уодор-стрит в Сохо².

Задание, которое получил Хор, было непростым: он должен был выяснить, соблюдают ли русские союзники военное эмбарго на торговлю с Германией. Британцы были особо заинтересованы в этом вопросе: после победы в войне они

надеялись продвинуться на русский рынок. А тем временем существовали опасения, что продолжающиеся торговые сношения между Россией и Германией могут служить прикрытием для шпионажа и, возможно, саботажа. В сотрудничестве с довольно хаотически работающим российским Комитетом по ограничению снабжения и торговли неприятеля Хору предстояло постоянно отслеживать пути российского импорта, игроков на этом рынке и любые жалобы на тот или иной дефицит³.

Еще одним заданием в российской столице стало составление подробного критического отчета о деятельности английской разведки. Хотя это было больше похоже на военную задачу, однако и здесь Хор получил инструкции сосредоточиться на экономическом аспекте. Руководитель русского отдела британской разведки Фрэнк Стэгг напутствовал Хора в Лондоне словами о том, что

надежные позиции в России, вероятно, дали бы возможность добывать информацию, которая была бы лакомым кусочком не только для британского правительства, но и для представителей финансовых и торговых кругов Сити⁴.

Эта работа требовала большого такта. Настоящими знатоками России были французы. Десятилетиями они занимали прочное положение при дворе в самых разнообразных качествах — как торговые партнеры и инвесторы, как законодатели мод и поставщики шампанского. Французские офицеры имели близкие контакты с русской контрразведкой, что в известной мере было полезно, так как к 1916 году взаимопонимание внутри Тройственного союза Антанты — Англии с Францией и их обеих с Россией — было уже недостаточно полным. В конце концов, в момент, когда по окончании войны английские экспортеры начнут продвигаться на территорию Российской империи, эти самые французы превратятся в конкурентов.

Но у “К” был в России и целый ряд более насущных проблем. С самого начала возникло известное напряжение между его агентами и британским военным атташе в Петрограде полковником Альфредом Ноксом; при этом офицер, которого “К” первоначально назначил в Россию, майор Арчибальд Кэмпбелл, был только что отозван в результате целого вала жалоб на него⁵. Вдобавок ко всему посол, сэр Джордж Бьюкенен, был человеком старой школы, и тайные операции были ему в принципе отвратительны. По словам Хора,

трудности возникали из-за споров о том, какое именно в государственной иерархии место должны занимать секретные службы⁶.

Эта формулировка представляет собой образец знаменитой британской сдержанности. Будучи членом парламента и баронетом, Хор, без сомнения, являлся именно тем человеком, который был способен наладить дело.

Новоиспеченный шпион должен был сам добратся до места службы. Хор забронировал каюту на норвежском пароходе “Юпитер”, отправлявшемся из Ньюкасла. Среди пассажиров, прогуливавшихся по палубе и напоминавших в тумане стаю каких-то экзотических птиц, была и группа направлявшихся в Россию французских модных портних со свитой манекенщиц. На этот раз модный бизнес был чрезвычайно рискованным, поскольку морские пути, словно магнит, притягивали к себе немецкие подводные лодки. С того момента, когда “Юпитер” вышел из устья реки Тайн, все пассажиры не отрывали глаз от водной глади. Но на этот раз плавание прошло без происшествий, и Хор вместе с чиновниками, коммерсантами, контрабандистами и манекенщицами благополучно сошел на берег в Бергене. Дальше его путь лежал в норвежскую столицу Христианию (Осло), а оттуда спальным вагоном в Стокгольм.

Хор вспоминал, что через скандинавские страны он вынужден был путешествовать в штатском, спрятав свою офицерскую саблю в чехол для зонта⁷. Будь он задержан полицией в нейтральной Швеции, ему, как действующему офицеру одной из воюющих армий, грозило бы интернирование. Однако это была лишь теория. В реальности, как он убедился, Швеция просто кишела шпионами, хотя благожелательно, как показалось Хору, относились только к немецким. В гостях у британского посла в Стокгольме сэра Эсме Ховарда Хор узнал, насколько переменчивым стало настроение в Швеции. Запрет на торговлю военной продукцией с Германией нанес стране тяжкий удар; под угрозой оказались доставка продуктов питания и рабочие места, поскольку британский флот настаивал на праве досматривать суда не только воюющих сторон, но и нейтральных государств. Не хватало лекарств для детей, предприниматели лишились прибыли, а торговцы — рынков сбыта для своей древесины, зерна и железа. Значительная часть шведской правящей элиты выступала за более тесные отношения, а то и союзнический договор с Германией — ведь Балтийское море не столько разделяло две страны, сколько объединяло их⁸. Стоило Хору войти в стокгольмский “Гранд-отель” и повесить свою шубу на крючок в гардеробе, как он с удивлением увидел вынырнувшего откуда-то немецкого агента, который тут же обыскал карманы его шубы.

Чем дальше на север, тем более уместной была шуба. Из Стокгольма путь Хора вел в удаленный регион Норланд — заснеженную глушь, страну охотников-саамов, лосей, песцов и медведей. Писатель Артур Рэнсом, в свое время проделавший тот же путь, заметил, что “все вокруг обещало быть крайне интересным, но очень холодным”⁹. Хор, однако же, был как-никак членом парламента от округа Челси и поэтому на всем протяжении пути ехал первым классом.

Дорога была спокойной и однообразной, — напишет он потом. — На некоторых участках поезд полз никак не быстрее

пяти миль в час, а остановки на определенных станциях всегда были достаточно длительными, чтобы получить превосходную горячую еду¹⁰.

Одной из этих станций, почти в 960 километрах к северу от Стокгольма, был порт Лулео на Ботническом заливе, причалы которого использовались для экспорта железа, добытого в рудниках Кируны и Елливаре. Хор знал, что прошлой осенью на рейде этого порта капитан Кромби, командир британской подводной лодки, приказал затопить большое число шведских судов, которые в нарушение блокады собирались доставить в Германию тысячи тонн железной руды¹¹.

Для британского офицера места эти были небезопасны, а Хор держал курс на самый дикий из здешних городков. В довоенных расписаниях даже не было дороги, по которой он ехал: ее построили только летом 1915 года. Артур Рэнсом, пробиравшийся в Россию в то время, когда рельсы еще заканчивались в Карунги, вспоминал, что последние мили по территории Швеции он проделал

лежа плашмя в санях при свете короткого зимнего дня и согреваемый теплом тела возницы-лапландца, который оказал мне любезность, усевшись мне прямо на живот, пока мы мчались по снежной колее вниз с берега и дальше по речному льду к шведско-финской границе у Торнио¹².

Пятнадцать месяцев спустя Сэмюел Хор наслаждался относительным комфортом, пока его поезд продвигался вперед между валами почерневшего от копоти снега и деревьев, скелеты которых были едва видны за клубами пара. Под конец пути на каждой станции высились огромные штабеля деревянных ящиков, затем появились олени упряжки и седовласые мужчины в городской одежде. Хор прибыл в Хапаранду, важнейший пограничный пункт на дороге из Европы в Россию и дальше в Шанхай.

Хор не стал задерживаться для осмотра достопримечательностей. Он мог бы исследовать покрытые льдом болота, где, на временно устроенных площадках и складах, словно второй город, громоздились ящики с грузами из США, Великобритании, Дании, Франции и самой Швеции. Мог бы зайти в бар, в котором проводили время рыбаки и погонщики оленей, и разом услышать новости трех континентов. Через несколько месяцев здесь — в противоположном направлении — будет проезжать командированный в Лондон русский политик Павел Милюков и своей камерой “Кодак” сделает в Хапаранде снимки полуночного солнца¹³. Революционер Александр Шляпников, который так часто пересекал эту границу, что знал каждую лазейку, восхищался здесь зрелищем полярного сияния. Но Хора как истого англичанина больше всего поразила погода.

Утром моего прибытия в Хапаранду всё сверкало белизной в ярких лучах солнца, — вспоминал он. — На снегу не было ни пятнышка, так что на его сияющем фоне шапки из белой овчины на головах солдат шведского гарнизона казались желтыми¹⁴.

По сравнению с Хапарандой русская пограничная застава в Торни выглядела почти безжизненной. Почти всем приезжим приходилось проводить много времени в избах, служивших царской пограничной охране пунктами досмотра. Хор ехал в Россию по государственной надобности и мог бы прибегнуть к помощи местного агента британской разведки, который здесь почти наверняка имелся, но новый шпион из ведомства “К” не хотел привлекать излишнего внимания. Артур Рэнсом после нескольких досадных проволочек на границе придумал отличный способ: он предъявлял пограничной страже официальное письмо на гербовой бумаге. Хотя на самом деле это было всего лишь требование Лондонской библиотеки вернуть просроченные книги, подпись директора библиотеки д-ра Чарльза Теодора Хагберга Райта была столь

витиеватой, что при ее виде даже самый суровый русский бюрократ становился ележно раболепным¹⁵.

Однако большинство путешественников, не столь избретательных, как Рэнсом, с ужасом вспоминали ожидание в Торнио. Хору пришлось ждать так долго, что группа русских солдат решила сплясать на потеху публике, чтобы собрать немного денег с проезжающих. Прошло, казалось, полжизни, но вот нужные штампы наконец проставлены, багаж кое-как заново упакован, и Хор смог наконец сесть в финский поезд, направляющийся на юг¹⁶.

Дорога вновь была по большей части однопутной. Поезд продвигался медленно, выпуская клубы черного дыма: с начала войны паровозы на этой линии работали на дровах вместо угля. Стоило приоткрыть окно в вагоне, как в него врывались тучи пепла. Облака серого дыма и пара заволакивали виды знаменитых финских озер. Долгота дня стремительно увеличивалась, но все же, когда поезд Хора прибыл на пограничную станцию Белоостров, было еще совершенно темно. На границе, отделявшей Финляндию от остальной России, Хор должен был вновь выдержать многократную проверку документов и выслушать непонятные приказы на чужом языке. Помятый и потерянный, в полночь он наконец прибыл к северным воротам Петрограда — на Финляндский вокзал. Перрон и зал прибытия были едва освещены и пусты¹⁷. Хор уже был готов впасть в панику, когда наконец увидел знакомую британскую униформу — это был его служебный шофер. Багаж Хора был аккуратно погружен, и, устроившись на подушках сиденья, он, наконец вновь почувствовал себя спокойно и уверенно после краткого столкновения с миром варваров.

Они пронеслись через рабочие кварталы за вокзалом, пересекли широкую, наполовину еще покрытую льдом реку и направились в район аристократических дворцов, где Хора ждал номер в гостинице. Каждый дипломат знал, что следует избегать улиц, на которых живут и работают простые люди.

Этот урок Хору предстояло выучить в ближайшие дни — как и правила дворцового этикета; пришлось решать и проблему надежной домашней прислуги. Теперь он был в Петрограде и готовился приступить к работе в британской разведывательной службе — “ведомстве новом, секретном и обладающем не вполне определенным статусом”.

В 1916 году население Петрограда, выросшее с начала войны на несколько десятков тысяч человек благодаря сезонным рабочим и беженцам, превысило два миллиона¹⁸. Сама топография города, построенного в устье Невы, способствовала расселению жителей в соответствии с их социальным положением. Бедные жили в основном у гавани, в фабричных районах, выросших вокруг новых металлообрабатывающих и оборонных предприятий. Улицы за Финляндским вокзалом вели в тесные двory Выборгской стороны, на которой расположились заводы Нобеля и Лесснера, в настоящее время производившие в основном оружие и взрывчатые вещества, старая Сампсониевская ткацкая фабрика, телефонный завод Эриксона и несколько больших сталелитейных предприятий.

К юго-востоку лежала Охта с ее пороховыми фабриками и снарядными заводами, а к юго-западу громоздился мощный Путиловский завод, выпускавший самую разную продукцию — от рельсов и паровозов до артиллерийского вооружения. Тяжелая промышленность в последние годы перед войной была золотой жилой для спекулянтов, однако инвестиции в жилье для десятков тысяч промышленных рабочих и работников казались гораздо менее привлекательными¹⁹. Тем не менее, невзирая на все трудности, люди из деревни по-прежнему устремлялись в город в поисках работы.

Петербуржцы с достатком, которые могли позволить себе экипаж и постоянную ложу в театре, предпочитали южную сторону Васильевского острова, набережную Петроградской стороны и фешенебельные улицы близ Зимнего дворца.

Высокие доходные дома, стоявшие вдоль городских каналов, предлагали для состоятельных жильцов просторные квартиры в бельэтаже, однако в более дешевых мансардах и полуподвалах теснилась самая пестрая публика — от мелких торговцев до неудачливых литераторов.

Контакты богатых людей с суровой русской жизнью ограничивались, как правило, общением с прислугой — лакеями, кучерами, швейцарами. С другой стороны, бедняки из низших классов нечасто появлялись на Невском проспекте. В случае социальных потрясений (как, например, во время революции 1905 года) губернатор мог приказать поднять мосты через Неву, превратив реку как бы в гигантский замковый ров, отгораживающий фешенебельный центр города почти от всех опасных предместий. Досадным образом рядом с Невским проспектом находился главный городской вокзал, а за дворцами по-прежнему маячили трубы заводов. Зато для бунтовщиков всегда стояли наготове тюрьмы — Петропавловская крепость и “Кресты”, две достопримечательности на берегу великолепной реки.

Британское посольство занимало большую часть дворца Салтыковых по адресу Дворцовая набережная, 4. Местоположение было отличное: всего несколько минут пешком до Зимнего дворца, а из окон открывался вид на Петропавловскую крепость с ее золотым шпилем. Здание посольства, по воспоминаниям дочери посла Мэриэл Бьюкенен, было “громоздким, просторным и добротнo комфортабельным, хотя и не слишком красивым”²⁰. Наиболее примечательными в нем были парадная лестница и бальный зал с окнами, выходящими на реку. Однако рабочие кабинеты были неудобными, и к тому же посольству приходилось делить здание со старой хозяйкой — графиней Анной Сергеевной Салтыковой, которая со своей челядью и престарелым, но чрезвычайно болтливым попугаем занимала задние покои дворца²¹.

Хору вскоре предстояло познакомиться с собственными подчиненными, однако дипломатическая часть его миссии —

восстановить межведомственный мир — требовала, чтобы он начал с визита к послу. Сэр Джордж Бьюкенен с 1910 года представлял Британию в России, и у него была репутация наиболее надежного и наиболее опытного дипломата Петрограда. Хор тоже вскоре подпал под его обаяние.

Если бы кто-нибудь попросил меня очертить образ идеального британского посланника, — вспоминал он, — я бы дал портрет сэра Джорджа Бьюкенена. Благородный, сдержанный, почти скромный, с внешностью, отвечающей устаревшим на двадцать лет представлениям о привлекательности²².

Роберт Брюс Локкарт, правая рука сэра Джорджа в Москве, высказывался о нем сходным образом:

Меня приветствовал стройный человек с усталым, грустным взглядом — его монокль, тонкие черты и красивая седина придавали ему почти театральный вид²³.

В сборнике рассказов Сомерсета Моэма “Эшенден, или Британский агент” (*Ashenden or The British Agent*, 1928), основанном на личных впечатлениях автора (Моэм в годы войны тоже служил в британской разведке), сэр Джордж выведен под именем Герберта Уитерспуна: это неизменно гостеприимный хозяин званых ужинов, словно баронет в каком-нибудь английском поместье. Менее доброжелательный свидетель вспоминает, однако, “холодное безразличие” сэра Джорджа, от которого “даже у белого медведя побежали бы по спине мурашки”²⁴.

Хотя Бьюкенен и презирал шпионов, он бы убежден в том, что Россия должна воевать в Великой войне до полной победы союзников²⁵. Ради этого он готов был вступить в отношения хоть с самим дьяволом, присланным из Лондона, так что Хор стал своим человеком в посольстве. Ему оказывали знаки внимания и супруга посла леди Джорджина, и ее дочь Мэриэл, и даже их капризная сиамская кошка. Хору доводи-

лось сидеть за одним столом и с некоторыми звездами европейской дипломатии, в частности с французским посланником Морисом Палеологом и с итальянским послом — маркизом Андреа Карлотти ди Рипарбеллой (их американский коллега Дэвид Фрэнсис всегда предпочитал хорошую партию в покер крахмальным скатертям и кларету Бьюкенена).

Однако среди британского персонала посольства тоже были интересные личности²⁶, и с ними Хор мог познакомиться в канцелярии на первой площадке парадной лестницы. Молодые люди в костюмах из тонкой шерсти целыми днями печатали донесения, шифровали или расшифровывали их. Никаких русских секретарей, поскольку совершенная секретность — даже в отношениях между союзниками — ценилась превыше всего.

Мне показалось, — писал Локкарт, — что это похоже на какое-то машинописное бюро или телеграф, только вот все машинистки и телеграфисты — старые добрые выпускники Итона²⁷.

Собственный кабинет Хора был в нескольких шагах от посольства: по Дворцовой набережной до навевавшей меланхолию кроваво-красной громады Зимнего дворца, за ним повернуть налево. Отсюда открывалась гармоничная панорама зданий на другой стороне Дворцовой площади. В этих зданиях, также выкрашенных в цвет бифштекса, размещались главные правительственные учреждения, включая Генеральный штаб. В нескольких комнатах верхнего этажа приютился филиал британской разведки, въехавшей сюда вслед за французскими коллегами. Возможно, в этом было известное удобство, однако Хор никогда не испытывал симпатии к своему рабочему месту:

Фасад в его истинно русском духе был лучшей частью этого здания. За Генеральным штабом простирался лабиринт зловонных, грязных и в высшей степени нездоровых проходных дворов, затруднявших подходы к зданию²⁸.